ПЯТИЛЕТКА

(из поэмы)

Донбасс —
окоп!
Маслá
и газ!
Пород горючих
помесь.

Ясиноватая...
Луганск...
Макеевка...
Артемовск.

Желт
коксоварных
зарев
нимб,
весь горизонт
заполнивший.
Я от Луганска
еду с ним
на бричке
к темной полночи.

За нами
пыльный
лег Луганск,
но веет гривой
дым еще...
Попутных шахт
мираж угас,
сижу
с Владим Владимычем.
Пожар
от коксовой печи,
дохнул в лицо
жарок ее.
И на моем
лежит
плече
его рука
широкая.
Зарево коксовое
растаяло.
Пролетка въезжает
в полночное Сталино.
А в цирке —
народу
тьмущая-тьма,
до полночи ждут,
ожиданьем томясь,
шахтеры
и семьи шахтеров,
от десяти
до пятидесяти лет.
Народнейших
так не встречают
актеров,
как встречен
шахтерской семьею
поэт.

Он вышел.
Стал.
Легко дыша,
окинул
взглядом
шарящим.
Рукой
обвел
незримый шар
и грохнул в зал:
— Товарищи!
Я земной шар
чуть не весь
обошел, —
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо!

В амфитеатре
внимательных лбов
гремит
атаковой вылазкою.
Была велика его
к жизни любовь,
но жизнь
любовью не выласкала.
За цирком
вздохнул тяжело
паровоз...
Он грянул
с арены заново:
— Товарищи сталинцы,
я к вам привез
поэта
Семена
Кирсанова. —

И я подхожу,
становлюсь левей,
краснею,
прерывисто дышучи.
Он гладит ручищей
по голове
меня
в присутствии тысячи.

Звенит Москва.
Трамвайный верх
птенца сбивает
наглого.
Прошел Мясницкой
человек,
прохожих
выше на голову.
Шагами
плитняком слогов
проезд Лубянский
вымощен.
Видать его
со всех углов,
Привет,
Владим Владимыч!

Не видит лиц,
не видит мест,
то шаг,
то остановится.
Заметил...
— Ааа...
Куда, Семец?
Как жизнь?
Какие новости?
— А вы?
Молчит.
Я знаю причину:
в руке
записная книжка, кажись.

И в ней —
«ненавижу
всякую мертвечину,
обожаю
всяческую жизнь».
К «Комсомольской правде»
мерит перекрестки,
кинет отражение
трамвайному окну,
в кабинет редактора
входит Маяковский,
двери не по росту,
голову пригнул!
Поднимает город
грандиозный остов,
по Гудзону
круглый
проплывет буек,
вижу —
Маяковский
с Бруклинского моста
жадными глазами
смотрит на Нью-Йорк.

Гавани одесской
гулкие приметы,
тихие качанья
пароходных дон.
По приметам люков
парохода «НЕТТЕ»
человека Нетте
вспоминает он.

И всегда
в стихе
и каждый час

отдавши
горю подать!

Асеев!
Нас сзывают
дни,—

идем же жить,
работать.

Ведь нам теперь
вдвоем итти,

хоть горло
рвет
от сипа, —

пойдем вдвоем,
пойдем ввинтим

последний винт
Турксиба.

Верблюд,
на землю
тихо ляг!

Песок пустынь
нагрелся.

Ползут, ползут
к Айна-Булак

навстречу рельсам —
рельсы.

Играет сталь
под лётом стай, —

срастайся, сталь,
ползи,
блистай!

Стирая копоть,
помня опыт,
машинист!
поля листай!
Тук-тук,
шип-шип,
тук-тук,
шип-шип,
Турк-Турк
Сиб-Сиб.
Турк-Турк
Сиб-Сиб,
Пустыню,
степь —
запеть заставь,
залей
хлебами степи.
Пошел
состав,
пошел
состав,
в таком
певучем темпе!

Омач тяжел,
соха дика,
холмы Тимура
рви, река, —
ты в блеске топок
возишь хлопок,
машинист,
рука легка!
Тюк-тюк,
сыпь-сыпь,
Тюк-тюк,
сыпь-сыпь,
Турк-Турк
Сиб-Сиб,

Турк-Турк
Сиб-Сиб!

Со дня Балхаша
соль и медь
везем,
гордимся жизнью, —
какое счастье
жить
и петь
и мчать
к социализму!

Взорвав
громоздкий
груз пород,
какую скорость
жизнь берет!
Под верный рокот
время трогать,
машинист,
неси вперед!

Тук-тук,
тук-тук,
шип-шип,
шип-шип,
Турк-Турк,
Турк-Турк
Сиб-Сиб!
Сиб-Сиб.
К Турксибу
всадник
на лошади ёкал,
машины пылили
от города,
но еще необычней
была маевка

девятьсот
тридцатого
года.

В коммуну
широкая дверь
отперта,
и вихрем,
по радио
дующим,
в Москву
молодые
летят рапорта
товарищу Сталину
и товарищу Куйбышеву.
«Рапортуем тебе,
товарищ Сталин,
который
рабочею волей
ставлен,
Сталгрэса
блеснула первая искра.
26 апреля —
сегодня вот —
выстроен
имени Дзержинского
Сталинградский
Тракторный
Завод!»
«Рапортуем тебе,
товарищ Сталин, —
фортов пятилетки
и мы не сдали
(врывается рапорт
салютом пушечным):
к Первому мая —
сегодня вот —

Мариупольский
Трубопрокатный пущен,
крупнейший в мире
пошел завод.
Рапортуем гектарам
колхозных просторов
(врывается рапорт
в строительный марш):
«Сегодня
выросший
у Ростова
первую сеялку
дал Сельмаш».
За рапортом —
рапорт,
закладки и стройки,
на карте страны
зажигается явь,
и эти,
значками
мерцавшие строки, —
реальною жизнью
встают,
засияв.
Волна пролетариев!
Морем стелись!
Мы не на острове!
Мы не горстка!
В радостном зареве
дружеских лиц
близкий
и явственный социализм
встает
видением
Магнитогорска.

1930

МОСКВА ТЕПЕРЕШНЯЯ

Была Москва
церквей огород,
лабазников жадных
логово.
Да взяли Москву
в большой оборот —
редиски церквей
выдергивать.

Жила Москва
у тишинских дыр,
теплила
глаза хитрованцев.
Да время пришло
расширять ходы,
пора дикарю[1]
отрываться.

Была Москва
скобяной лабаз,
ветошный ряд
и дерюжный.
К Варварке перла,
в Охотный ломясь,
битюг дребезжа
нагруженный.

К сегодняшним дням
от ушедших дён
плывут
огарочки воска...

---

[1] Дикарь — род булыжника.

под
кривоколенными тройками.

Мы скажем ей:
—Асфальтом стелись,
дворцами
сияй кристально —
столица,
растущая
в социализм
Ленина и Сталина!

1931

ТОВАРИЩ МАРКС

(ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ)

Как выхватить
    из жизни —
        жизнь,
из памяти
    из нищей, —
еще такую,
    что держись,
огромную
    жизнищу?

Как выразить
    те этажи,
те сюртуки,
    ту мебель,
места,
    в которых ты не жил,
года,
    в которых не был?

Как должен я
    помолодеть,
строкой
    в былое въехав, —
как будто
    в мире
        мало детств,
чтоб стать
    моложе века!

С утра,
    ища громаду ту,
я в поезд строчек впрягся,
я жду
    у всех
        комендатур,

и знаю:
выищу,
дойду,
добьюсь,
увижу Маркса.
Кто пропуск даст?
Кто отберет?
Кто впустит
без опаски?
Дежурь
у Троицких ворот,
ГПУ,
у Спасских,
дежурь,
хотя б
и ночь,
и дождь!

Жди,
у Кремля серея!
Но помни:
Маркса не найдешь
в картинных
галлереях.
Не он
повиснул над столом,
не он
по скверам высится —
кто скульптором
объизвестлен,
кто смазан
живописцем.
Как выведать
за гипсом жизнь
во всех
ее дыханьях,

чтоб посмотрел
на коммунизм
его старшой механик?
Как отодрать
навар холста,
чем клей годов
отваришь,
чтоб выглянул
из-за пол-ста
огромных лет —
товарищ?!

Октябрь,
1932

ЗОЛОТОЙ ВЕК

(ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ)

Поэма
    началась с того,
что, сидя
    за окном, мы
вели с тобою
    разговор
о нашинских знакомых.
Не то чтоб
    сплетничали мы,
по мне — заразнее чумы
в чужом белье
    копание,
нет,
    просто говорили мы,
что вот у каждой
    у семьи
свой круг,
    своя компания.
Что многие
    находят вкус
с Толстым
    пивать чаи,
но то —
    не мой кружок и курс
и вкусы
    не мои.
Ну,
    Пастернака что корить?
Он шел
    своей тропой —
то с лордом Байроном
    курить,
то пить
    с Эдгаром По,

А мне
сегодня хочется
найти другое
общество.
Я стал в другой семье
дышать,
и часто
ночью целой
калякал с Мором
по душам,
шатался с Кампанеллой.
С Платоном
речь текла ручьем
в полуночной поре...
Есть много у меня
о чем
поговорить
и горячо
поцапаться с Фурье.
Я с ними
сухари бы грыз
и ежедневно
в гости б лазил,
нас
связывает
коммунизм
тесней
литературных связей.
Я их о многом
спрашивал,
поверь,
подруга —
что это люди
нашего
круга.
Ты с ними
дружбою свяжись

и рифмой
руки сшей,
они
в сегодняшнюю жизнь
проламывали щель.
Я знаю —
виделся Фоме
горы Магнитной
сдвиг,
вставал
у Томаса
в уме
калейдоскоп
Москвы.
Я к ним
тебя хочу свести,
мы
их друзьями станем
и лестницей
взвинтим
свой стих
на вышки
их мечтаний.

1932

П И С Ь М А

(ИЗ ПОЭМЫ)

ПИСЬМО ВЕРЫ

1

Нюрка, ты спрашиваешь, почему
Я не писала с месяц.
Многое было причиной тому,
только, Нюрок, не смейся.
Столько больших-больших перемен,
что оглянешься — прямо дико.
Так, ну, если бы вдруг в тюрьме
расцвела бы гвоздика.
Не очухалась даже я,
до таких перемен дожив!
Даже трудно держать перо,
рассказать — получится жидко!
Как у Надсона.
        «Мало про-
жито, да много пережито».

2

В общем, бросила вуз, Нюрок,
я себя не желаю комкать!
Не по мне земляной мирок,
никакая я не агрономка!

Даже в школе, по правде, ведь
выделялась я из девчушек!
Чем я, ну, Малиновской хуже?
А суметь, я смогу суметь
стать актрисой.
И вот учусь
в киностудии три недели,
убеждаюсь уже на деле,
хватит сил и достанет чувств
стать актрисой.

3

Сама учти:
профессура вуза — скучище.
Ну, а наш Аморанд почти
Эйзенштейна, пожалуй, чище.
И меня не узнала ты б,
нет и крошечки Верки ранней:
Я — эмоциональный тип,
как сказал Аморанд вчера мне.

4

Трудно жить! Кутерьма невзгод,
и к тому ж расходов масса,
но, наверное, через год
в эпизодах возьмут сниматься.
Только, Нюрка, *покуда* — *ша!*
Ни полслова отцу об этом, —
не пришлет отец ни гроша;
ведь и так живу, не обедав.
Правда, есть у меня один,
ну, а *я* — *неприступней форта*.
Посылаю при этом фото,
стала барышней, погляди!
Дочь уездного педагога —
с завитушками на виске! —

изменилась ли хоть немного
за полгода жизни в Москве?

5

Как Маруська живет, Тамарка?
Нинка замуж не вышла? Что,
зацвели акации парка?
Что с твоей инженерной мечтой?
Поподробней пиши, почаще,
отвечай на писульки в срок.
Обнимаю тебя крепчайше,
зацеловываю.
Верок.

ПИСЬМО ПОДРУГИ

6

Веруся!
Мне было больно,
письмо твое получив.
Ты птицей воркуешь вольной
и всюду видишь лучи.
Мне трудно писать, Веруся
(тебе ж на меня «начхать»),
и я за перо беруся,
не зная, с чего начать.

7

Ты бросила вуз. Подумай,
быть может, не поздно, назад
от блеска кино, от шума
назад отвести глаза?
Больно, что по-иному
ты стала в Москве кружить, —
хотела быть агрономом,
и барышней стала быть.

Страшно, что вот такие
талантливые, как ты,
профшколу едва покинув,
идут в овраг пустоты.
И справиться ль с этим грузом?
Мне страшно спросить самой, —
ответь, неужели с вузом
ты бросила и комсомол?

8

Одумайся — не по цвету
краска твоим губам!
К кисловскому Совету
вчера привезли комбайн.
Помнишь урок по сельхозу?
— О, это еще свежо! —
Ты, прикусивши косу,
сидела над чертежом,
внимала глухому гуду
далеких июньских гроз...
— Я агрономкой буду.
Сказала, и слово — гвоздь! —
Сказала упорным голосом,
были слова тверды,
распущенные волосы
раскинулись, как скирды;
когда ж заплетала волос
в три пальца косой крутой,
огромный пшеничный колос
горел золотой рудой.

9

Одумайся, Вера, сёла,
в деньги пот растопя,
учили тебя в профшколах,
надеялись на тебя.

В какую попала глушь ты?
Куда ты занесена?
Как жалок не твой, а чуждый
весь тон твоего письма!
Одумайся. Дорогá
сейчас любая минута.
Дружеская рука
подруги тебе —

Анюта.

ПИСЬМО ВЕРЫ

10

Нюра. Все то, что ты
пишешь, конечно, правда.
Ну, были, конечно, мечты.
Ну, бросила вуз, и рада.
Ну, поняла все, потом
проверила и провесила:
копаться в земле кротом —
безрадостная профессия.
Я очень люблю кино,
я знаю желанье папино,
хотела когда-то, но
зачем же себя закапывать?
А тут интересно все —
и танцы, и ритм, и пластика.
Танцмейстер и режиссер
довольны моею пляской.
Вчера сдавала этюд,
вообще работа наладилась, —
как видишь, Нюрок, и тут
сказалась моя талантливость.
Нюрка! Ты не права!
Ясно как то, что полдень, —
какой-то большой провал,

бывший во мне, заполнен.
Как радостно быть самой!
Я молода, мне весело,
а дом деревянный мой
экраном давно завесило.
И не жалею. Вот!
Кино — моя жизнь и вера.
Кончаю (кто-то зовет),
Целую, Анюта.

Вера.

ПИСЬМО ОТЦА

11

Верочка, доченька моя.
Месяц май пробежал уже.
Жду, и нету письма от тебя,
письмами, дочка, не жалуешь.
Занята очень! Университет
требует много усилий ведь!
Но выполни, девочка, мой совет,
не надо себя пересиливать.
Как ты питаешься? Много ли вас
в комнате общежития?
Бархату я на шубку припас,
денег коплю, чтоб сшить ее.
Там же не то что в уезде дрянном,
бедность в глаза бросается.
Будет Веруся моя — агроном!
Умная и раскрасавица.

12

В школе всё то же. Заведующий
снят, как служивший в полиции.
Честность, попробуй, по свету ищи,
все обрядились по-лисьи.

Ваня Чуднов — работяга! Пыхтит,
Уж Эдиссоном будет!
Изобретает, так просто ахти, —
выйдет Ванюша в люди.
Очень способен Мочанов Косим,
знаешь, сынишка пекаря,
этот — в тебя: башмаки износил,
по огородам бегая.

13

Тошно, дочурочка, без тебя,
сердце тоской измаяно;
частенько я, тоски не стерпя,
сижу на могилке маминой.
Помнишь, как мама любила хлеб,
не розы, а рожь золоченую?
Ты помнишь деревню? Степанов хлев?
И школу, тогда заложенную?
Ты помнишь, коровы клонили лбы
пред босоногой Веркой.
А ты, дочурка, мечтала быть
знаменитой революционеркой.
Береги здоровьице, Вера, пей
молоко и жирка нахапай.
Посылаю тебе тридцать пять рублей.
Обнимаю.
Целую.
Папа.

ПИСЬМО АВТОРА

14

Сколько вас у вокзальных свистков
толпилось, безвестных, незнаемых,
сходивших с телег и слезавших с возков,
в пальто, перешитых с маминых?

Сколько обшитых мережкою блуз,
потных от страха ладошек?
С зашитой в подкладку путевкой в вуз,
с пятеркой, увитой в платочек?

15

Вами оставлена пачка книг,
чернилами перепачканных,
пачка тетрадей, школьный дневник,
затроганный детскими пальчиками.
Керосинная лампа, сосновый стол,
веер рождественских карточек,
дом, не блистающий красотой,
мама, отец и фартушек.

16

Вас ожидает опасность простуд
на резком ноябрьском ветре,
теснота общежития, пролетстуд,
профессорские ответы,
борьба за стипендию, колбаса,
читалка в районе Знаменки,
парнями заваренная «буза»
переходные экзамены.

17

А те, что пройдут, не отбиты никем,
с отбитой на лбу бороздой, —
мелькнут портретами в «Огоньке»,
сверкнут на постройке мостов.
Внезапно вынырнут из низов
на крылышках чертежей
каких-то реальнейших мостов
и явственных этажей.

18

О вас не шепнут: «Синий чулок»,
а поблагодарят еще раз.
Вы, стиснув уста и наморщив чело,
накладываете пневмоторакс.
Стиснув губы, наморщив лоб,
запахнувши в халат фигурку, —
вы в десятки больных утроб
погружаете нож хирурга.

19

Ну, а вы? За какую жизнь
вы идете бороться, Вера?
Жить? Бороться? Или кружить,
в патефонную жизнь поверя?
Я — за стройные роты ржи,
за прекрасное ваше «завтра»...
За вмешательство в вашу жизнь
приношу извиненье.

Автор.

1929

Семен Кирсанов.
Фрагменты сборника «Дорога по радуге»,
М.: Гослитиздат, 1938